

УДК 329(477)

Л. А. Ануфриев,

доктор философских наук, профессор, зав. кафедры политологии
Института социальных наук Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова
к. 35, Французский бульвар, 24/26, Одесса-58, 65058, Украина
тел.: (8-0482) 68-43-73

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА УКРАИНЫ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Автор статьи делает попытку проанализировать особенности развития украинских политических партий и партийной системы в целом. Особый акцент делается на изменениях, их причинах и особенных характеристиках, чертах во время парламентских выборов 2006 и 2007 гг.

Ключевые слова: политические партии, многопартийная система, парламентские выборы, электорат, оппозиция, коалиция.

Жизнь современного общества немыслима без политических партий. Именно они придают ему динамику, ибо являются ареной соревнования политических курсов, идей, выражающих интересы различных социальных групп.

Именно политические партии активно влияют на деятельность органов государственной власти, экономику, социальные процессы, международные отношения. Именно они, политические партии, являются одним из базовых институтов современного общества, без которого немыслимо функционирование представительной демократии гражданского общества.

С обретением независимости Украиной в ней начался процесс создания политических партий и партийной системы. Особенно этот процесс ускорился после 1994 года: в 1994 году официально было зарегистрировано 36 партий, в 1995 году — 39, в 1996 году — 46, в 1997 г. — 52, в 1998 г. — 70, на начало 2000 года — 92 и в конце 2000 г. — 107. В настоящее время в Украине зарегистрировано 129 политических партий. Однако следует констатировать, что в силу исторических особенностей партийная система в классическом понимании так и не была сформирована. Причин несколько: отсутствие своего электората, утрата у граждан интереса к партиям, слабые идеологические основы, расколы, утрата влияния и авторитета, оторванность программ от повседневных интересов населения, отсутствие сотрудничества партий в главном — строительстве крепкой независимой Украины.

Анализ развития политических процессов в Украине на протяжении 2002–2007 годов, президентской кампании 2004 года и выборов в Верховную Раду 2006 и 2007 годов и их результатов свидетельствуют о наличии заметных изменений в партийной системе страны.

В первую очередь следует отметить масштабную ротацию среди политических сил, добившихся наибольших симпатий граждан. Часть партий,

созданных в начале 1990-х гг., значительно снизили свое влияние на политической арене и сохранили свое присутствие в Верховной Раде преимущественно благодаря “символическому потенциалу” (например, КПУ). Другая часть (СДПУ(о), НДП “ВО “Громада”) вообще уступили лидерство другим политическим силам. Одновременно в 2002–2007 годах в партийной системе постепенно формировалась новая группа лидеров, в которую входят три ведущих политических силы — Партия регионов, Блок партии Юлии Тимошенко и Блок “Наша Украина — Народная самооборона”. Другие политические силы, представленные в парламенте (КПУ, Блок Литвина) или те, кто способны соревноваться за место в нем (СПУ, ПСПУ), по уровню поддержки не могут конкурировать с тройкой лидеров.

Наиболее значимым изменением качественного характера последних лет явилась поляризация партийной системы на основе четко выраженной региональной локализации электоральной базы основных политических сил, создания двух конкурирующих “центров тяготения” — Партии регионов, с одной стороны, и Блока Ю. Тимошенко и Блока “Наша Украина — Народная самооборона”, с другой. Причем потенциал других политических сил явно недостаточен для того, чтобы самостоятельно конкурировать с ними как “третья сила”. Итак, они вынуждены или прислушиваться к лидерам (причем, как засвидетельствовало вхождение КПУ и СПУ в коалицию с Партией регионов после выборов 2006 года, идеологический фактор отходит на второй план), или сосредотачиваться на выработке эффективной стратегии самосохранения.

Такая особенность партийной системы является результатом политизации и институализации существующих особенностей между разными регионами страны и их населением. По сути, речь идет о регионализации политического пространства страны акторами (политические партии, блоки, отдельные политики), которые формируются на основе идентификации с региональным коллективным “мы” в противовес другому региональному “они”.

Региональные особенности политических симпатий граждан не новое для Украины явление. Об этом свидетельствуют результаты парламентских и президентских выборов, проводившихся после обретения Украиной независимости. Симпатии граждан разных регионов к политическим партиям отличались: на Западе традиционно высокой была поддержка партий национал-демократического направления, тогда как на Востоке и Юге голосовали преимущественно за левые силы, а в Центре симпатии избирателей делили национал-демократические и левоцентристские партии.

Ключом к пониманию этого являются специфические черты, которые имели все три избирательных кампании 2004–2007 годов. Во-первых, в них основными темами общественных дискуссий стали не пути решения приоритетных для граждан социально-экономических проблем, а вопросы, по которым граждане разных регионов имеют противоположные взгляды. Во-вторых, участники кампаний сознательно подчеркивали существование этих разногласий, противопоставляя жителей одних регионов жителям других.

В частности, во время избирательной кампании 2006 года в программах почти половины политических партий и блоков были (в разных вариантах)

темы, в оценке которых наблюдались региональные отличия и которые имели немалый конфликтогенный потенциал. Это, особенно, вопросы статуса русского языка, приоритетный вектор внешней политики, отношение к возможному вступлению Украины в НАТО, оценки деятельности ОУН-УПА.

По оценке социологов, эти темы не принадлежат к числу тех, которые больше всего интересуют граждан Украины. Однако, как свидетельствуют результаты выборов, их использование давало соответствующим политическим силам ожидаемый электоральный эффект.

В принципе, сегодня можно сделать вывод, что в Украине сложилась многопартийная система. Какой она будет в будущем, зависит от смены модели государственного управления, а также от того, как на практике будет реализована политическая реформа.

Следует отметить такой немаловажный фактор, влияющий на формирование партийной системы, как нарастающая гегемония в экономическом просторе финансово-промышленных групп. Они все теснее входят во власть, по сути монополизируя ее. В этом контексте особенностью выборов 2007 года является резкое сокращение участников избирательной кампании. Это объективный процесс, который также напрямую связан с процессом монополизации экономики. На этой основе в последнее время состоялось оформление трех основных политических сил как основных игроков, а их кристаллизация в качестве монопольных субъектов влияния на общественно-политические процессы, как показали выборы 2007 года, завершилась. Таким образом, судьбу государства в ближайшее время будут определять несколько финансово-промышленных групп, политическими инструментами которых являются Партия регионов, БЮТ и “Наша Украина — Народная самооборона”.

Такая ситуация подталкивает средние и мелкие партии к слиянию с лидерами в ходе избирательных кампаний. Именно вследствие такой тенденции в мега блок объединились “Наша Украина”, “Народная самооборона”, НРУ, УНП и КУН. В БЮТ влились ПРП и СДПУ. В избирательный список Партии регионов вошли представители Трудовой и Республиканской партий, СДПУ(о), партии “Віче” и т. д.

Несмотря на то, что парламентская кампания 2007 года во многом созвучна кампании 2006 года, между ними, тем не менее, существуют и ряд особенностей.

Существеннейшим из них, на наш взгляд, является место, отведенное в этой кампании идеологическим аспектам, и то, что в Украине наблюдается угасание идеологических партий. Большинство экспертов едины в утверждении, что партии с четкой идеологией утрачивают популярность.

Постепенное отмирание чисто идеологических “классических” партий в Украине проходило на протяжении десяти лет. Правда, такая же тенденция просматривается и в большинстве цивилизованных стран. Однако в Украине существенную роль в этом процессе сыграли субъективные исторические явления. “Левые” в Украине всегда ассоциировались с прогрессистскими направлениями и, в основном, имели поддержку на Востоке страны. В свою очередь “правые” по определению были антирос-

сийскими, прозападными и имели электоральную платформу на Западе и частично в Центре. Дальнейшее развитие украинского общества в таком плане привело к тому, что людей в меньшей мере стали интересовать идеологии и застывшие догмы. Наблюдается повышение интереса относительно конкретных действий, сценариев и в какой-то мере ценностей. Под влиянием СМИ, в первую очередь телевидения, жители Украины воспринимают политику как драму, превалируют эмоциональные категории и переживания.

Окончательно подорвал авторитет идеологических партий переход от мажоритарной к пропорциональной системе выборов в парламент. Хотя следует заметить, что сами идеологические партии, несмотря на весь свой мажоритарный антагонизм, были основными лоббистами перехода от мажоритарной к пропорциональной избирательной системе (с промежуточным этапом в виде смешанной системы, по которой избирались парламенты III и IV созывов). Когда же пропорциональная система стала реальностью, выяснилось, что партии, жестко привязанные к идеологии, были вытеснены на обочину. В 2000 году как левые в лице Компартии, Соцпартии и Блока Наталии Витренко “Народная оппозиция”, так и правые, представленные в основном Украинским народным блоком Костенко и Плюща, Гражданским блоком “Пора-ПРП”, показали рекордно низкие результаты. В то же время тройку лидеров составили партии и блоки, в которых концентрировались крупные бизнесмены и карьерные чиновники: Партия регионов, БЮТ и блок “Наша Украина”. А в 2007 году эти три силы фактически поделили между собой наиценнейшие остатки партий национал-демократической и либеральной направленности, захватив, кстати, и кадровый потенциал социалистов.

Кроме того, для большинства политических партий, позиционирующих себя как идеологические, характерно отсутствие последовательности в жизнедеятельности. В частности, их оторванность от своего базового электората. Характерной чертой этих партий является то, что они поддерживают тесные связи с профсоюзами, с которыми согласовывают тарифные условия. Это не значит, что за социалистов голосуют только рабочие, но они являются основным ядром электората социалистов.

Идеологические партии все больше становятся “нишевыми”, а как свидетельствует практика, “нишевый” электорат в Украине ограничивается 3–6 процентами. Именно из практических соображений партии, претендующие на массовость, делают ставку на программные “коктейли”, разнообразные идеологические “миксы”, ценностные гибриды. Долгосрочный тренд таких партий строится на принципе “хватай все, что можно”, и поэтому на вооружение берутся любые лозунги и призывы, способные дать ощутимый электоральный результат здесь и сегодня. Закономерность “ухода от идеологий” для партий, претендующих на власть, обусловлена и политической практикой. Как правило, длительная приверженность правящих партий идеологическим догмам неизбежно приводит к экономическому спаду и, как следствие, к утрате власти.

Ведущим политическим силам страны еще с 2002 года на практике на-

много проще создавать образ их сильных, мудрых, опытных лидеров, чем внедрять в партийные массы идеологию.

Можно, конечно, предположить, что между Партией регионов, БЮТ и “НУ–НС” есть существенные идеологические отличия. Однако на самом деле для бизнесменов и чиновников, чьи интересы в первую очередь выражают эти силы, вопросы идеологии второстепенны, а то и просто чужды. “Первое место в их шкале ценностей занимает власть”, и Партия регионов, и ядро БЮТ-партии “Батьківщина”, и партия “Наша Украина” создавались в первую очередь как инструменты достижения власти, а уже потом для них подбиралась (или создавалась) идеология.

На прошедших парламентских выборах 2006 и 2007 годов ведущие политические силы еще считали необходимым использовать идеологические лозунги для мобилизации своего электората. Но по мере осознания необходимости экспансии на чужие электоральные поля идеологические лозунги отодвигались в тень или вообще отбрасывались.

Старт избирательной кампании 2007 года засвидетельствовал, что ПР, БЮТ и НУНС стараются “уходить” или минимально использовать такие разъединяющие граждан темы, как вступление в НАТО или СЭП, статус русского языка или воинов ОУН-УПА. В этой кампании лидеры парламентской гонки конкурировали в первую очередь в том, кто из них сможет эффективнее руководить государством: стимулировать экономический рост, обеспечивать повышение жизненного уровня граждан, бороться с коррупцией, решить газовую проблему, добиваться прогресса в деле евроинтеграции и т. д.

Значительный институциональный парадокс выборов 2006–2007 годов состоит в том, что снижение количества парламентских партий не соответствует тем институциональным эффектам, которые могли бы стать причиной внедрения на выборах сугубо пропорционального формата. Переход к формату пропорционального представительства (ПП) в соединении с высоким значением округа (М-450), снижение электорального порога с 4-процентного до 3-процентного и распределением мандатов по наибольшему остатку, могли бы способствовать прохождению в парламент маленьких партий, а не сокращению количества парламентских партий, как случилось. ПП с закрытыми партийными списками в перспективе действительно способствовало бы укреплению партийной организации “по вертикали” и более четкому выделению идеологических ориентиров с “упорядочением” партийного поля, как следствие. Однако очевидно, что украинская партийная система не преодолела данный эволюционный путь. Наверное, для этого потребуется хотя бы один полный электоральный цикл.

Среди важных моментов парламентских выборов 2006 года следует также выделить стратегическое голосование за большие партии. В значительной мере результаты выборов обусловлены их пропорциональным форматом. Причиной, по которой малые партии не преодолели трехпроцентный барьер, было опасение избирателей, что их голос, отданный не за лидеров избирательной гонки, является просто потерянным. Из-за этого страха избиратели пошли по пути стратегического голосования, отдавая свой голос

за политическую силу, которая реально имеет шансы попасть в парламент. Именно поэтому волеизъявления, касающиеся состава местных советов, в большей мере отражают политические преимущества электората того или другого региона, ибо каждый отдельный голос на местном уровне приобретает больший вес, чем на общенациональном, из-за сравнительно малого размера округа.

Новый электоральный формат не сработал как механизм распределения власти на местах. С точки зрения механических эффектов, электоральных правил пропорциональное представительство с закрытыми партийными списками способствует разворачиванию предвыборной борьбы между партиями как организациями и привлекают кандидатов придерживаться их партийных брендов. Наоборот, выборы по мажоритарному формату стимулируют кандидатов к персоналистскому образцу поведения и способствуют локализации их поддержки в пределах определенного округа. Пропорциональный формат выборов в местные советы не смог соответствующим институциональным образом структурировать борьбу за власть, которая по сути отражала типичную для регионов “мажоритарную логику”. Несмотря на внедрение нового электорального формата, эта закономерность оставалась почти неизменной вследствие слабости партийных структур на местах. Для бизнес-партий идеологические особенности оказались вторичными. Об этом свидетельствует, во-первых, “неразборчивость” представителей одной и той же бизнес-группы в выборе партийного ярлыка, подкрепленная, кстати, “высокой ценой вопроса”, за еще пока не упраздненной депутатской неприкосновенности; и, во-вторых, персоналистский характер ведения кампании (логичным развитием этой тенденции было создание именных и региональных проектов, которые продемонстрировали свою эффективность: “Одесса за Гурвица”, “Николаев — за Чайку”, Блок Сергея Иванова “За Севастополь”, Блок Бориса Климчуна “Рідна Волинь” и т. д.). В дальнейшем ослаблению связей избранных депутатов с партиями будут способствовать межфракционные миграции, вызванные отсутствием императивных мандатов и ситуационных коалиций, построенных на личных договоренностях. Таким образом, сокращение количества парламентских партий может быть объяснено не столько эффектом электорального реформирования, сколько политической традицией, которая появилась, в частности, в идеологическом позиционировании партий в условиях предвыборной борьбы.

Основным последствием поляризации партийного простора стал провал центристских и нишевых партийных проектов. В украинской партийной системе центризм традиционно приравнивался провластности и характеризовался идеологической размытостью. Жесткое очерчивание (но без детальной идейной разработки) и противопоставление позиций относительно основных проблем государственной политики вследствие президентской кампании 2004 года (а также в определенной мере правоцентристской ориентации новой “партии власти”) сделала нейтральным центризм, невостребованный большинством электората. Эта поляризация естественно “сузила” центр партийной системы. Неэффективными оказались как те

проекты, которые позиционировали себя как “третья сила” (Народный Блок Литвина, предвыборная реклама которого воспринималась скорее как социальная, чем политическая), так и те, которые старались предложить действительно новые программы (партия “Віче”).

В технологическом плане предвыборной борьбы это непосредственно влияло на мобилизацию избирателей. Сплочение электората партий лидеров происходило обратно пропорционально демобилизации маленьких партий, что усиливало мотивации к стратегическому голосованию за “очередную по преимуществам партию” среди проходных, где мобилизованными, а точнее “растрепанным” оказался и электорат традиционно левых и правых партий, которых “проглотили” новые более популистские партийные проекты.

Таким образом, выборы 2006 года в определенной мере продемонстрировали ограниченность резервов развития партийной системы Украины по посткоммунистической модели. “Возрождение” по потенциалу левых и классических национал-демократических партий может выглядеть реальным при условии их широкого объединения или реформирования (возможно, с дальнейшим отказом от исторических брендов).

Общей логике пропорциональной системы также противоречит сугубо региональная поддержка основных политических партий. Поддержка, к примеру, БЮТ, которая кажется общенациональной, не является таковой, поскольку активизация протестных настроений не может считаться консолидирующей идеей. Претензиям на общенациональный статус БЮТу также противоречат не пропорционально низкий процент (вплоть до не прохождения в Луганской области и в городе Севастополь), полученный Блоком в восточных областях Украины.

Поддержка маленьких партий, не прошедших в Парламент, но представленных в местных советах, тоже имеет ярко выраженный региональный характер. Локализация электората основных из них с разделом на Запад и Восток свидетельствует о том, что они выполняли роль своеобразных “радикальных крыльев” партийных мегапроектов: соответственно блок Наталии Витренко “Народная оппозиция” и частично оппозиционный блок “НеТак” в восточных областях — “радикальное крыло” ПР, Украинский Народный блок Костенко-Плюща и частично гражданский блок “ПОРА-ПРП”, в западных областях — “радикальное крыло” НСНУ.

Важно отметить, что укрепление именно региональной поддержки, а также использование инерции раскола как действенной технологии было сознательно взято партиями вопреки задекларированной ими установок на консолидацию Украины и претензий на общенациональный статус. Об этом свидетельствует, в частности, приспособление идеологии маленьких партий под электорат того или другого мегапроекта, сконцентрированного на той или другой территории (к примеру, попытки СПУ нейтрализовать связи с помаранчевыми в восточных областях или “избирательно” пророссийская позиция НБЛ там же).

Региональная поддержка тех сил, которые выиграли выборы, во-первых, имеет, как следствие, низкую легитимность (в смысле принятия этого

общественным мнением) любой из возможных коалиций большинства Парламента в общенациональном масштабе. Во-вторых, концентрация партий у власти местного уровня по региональному признаку будет способствовать расширению около центристских тенденций.

Указанные выше особенности: прохождение в местные советы партий аутсайдеров, выборы в Верховную Раду и жестко региональное распределение результатов выборов, в целом увеличивает возможность вертикального создания коалиций.

Варианты коалиций на местах из-за своей крайней идеологизированности и прагматичность в значительной мере зависят не от центра, а от региональных интересов. Невозможность построить партийную вертикаль власти значительно снижает прогнозирование и последовательность политического поведения избранных депутатов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что заявка на укрепление политических сил в Украине сформирована не столько консолидированными тенденциями как таковыми, сколько ограниченной поляризацией партийного простора, а уменьшение количества релевантных партий не является следствием укрепления партий как организаций после внедрения пропорционального формата выборов. Наоборот, результаты недавних парламентских выборов демонстрируют, что новая “парто-центристская” система еще не освоена основными игроками: ориентация на региональную поддержку, а также “персоналистский” характер избирательной кампании (особенно на местном уровне) соответствуют мажоритарному формату.

Вместе с тем реформирование политической системы в целом и в первую очередь переход к парламентско-президентской форме правления делает партизацию власти востребованной институционально. Если формально многопартийность уже заложена выборами 2006 и 2007 года, то приобретение этой моделью крепости зависит, прежде всего, от эффективности парламентского большинства, сформированного партиями — победителями, их способности принять новые институциональные условия, отказавшись от стремления заработать собственные политические бонусы на имеющееся, к сожалению, сегодня дестабилизации взаимодействия Президента, Правительства и Парламента.

Л. А. Ануфриєв,

кафедра політології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова
к. 35, Французький бул., 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна

ПАРТІЙНА СИСТЕМА УКРАЇНИ: ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ

Анотація

Автор робить спробу проаналізувати особливості розвитку українських політичних партій та партійної системи взагалі. Зокрема, особливо акцент зроблен на змінах, що відбувалися у парламентських виборах 2006 та 2007 рр., аналізу їх причин та особливих характеристик.

Ключові слова: політичні партії, многопартійна система, парламентські вибори, електорат, опозиція, коаліція.

L. A. Anufriyev,

Political Science Department
Institute of Social Science,
Mechnikov national university of Odessa
r. 35, Frantsuzsky Boulevard, 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

THE PARTY SYSTEM OF UKRAINE: FEATURES OF DEVELOPMENT

Summary

The author of the article makes an attempt to analyze the peculiarities of development of Ukrainian political parties and party system as a whole. Special accent is being made on changes, their reasons and significant features during and after parliamentary election in 2006 and 2007.

Key words: political parties, multi-party system, parliamentary election, electorate, opposition, coalition.